

АЛЕКСЕЙ НЕБЫКОВ
НЕОДОЛИМАЯ ТИШИНА СВЕТА

Алексей Небыков

Неодолимая тишина света

«Фонд развития социальных инициатив»

Небыков А.

Неодолимая тишина света / А. Небыков — «Фонд развития социальных инициатив»,

Дальневосточные рассказы «Обещание Карафутто» и «Воден дьявол» из сборника малой хтонической прозы Алексея Небыкова «Неодолимая тишина света» вновь обращаются к истокам русской страшной литературной традиции, в которой смыслы являются основой повествования, а страх и мистика — лишь оптикой для непростого разговора о важных темах. Исследуя темные бездны человеческого сердца, автор ставит своих героев перед нравственным выбором не для того, чтобы вынести приговор или проявить равнодушие, а чтобы показать, что вновь обратиться к свету, выйти из паутины зла, — никогда не поздно. Проза Алексея Небыкова сегодня не только задает тенденции в популярных направлениях современной словесности, но и погружает читателя в альтернативную языковую и стилевую реальность, которая представляет собой не народную сказовость, а свой особый способ письма. И в таком инаковом языковом мире, кажется, и причинно-следственные связи — другие, и отношения между людьми — не такие, как у нас, и даже законы природы действуют по-особому. Проза Алексея Небыкова обладает завораживающей новизной и корябающей шершавостью. А его стилистику сегодня ни с кем не спутаешь.

© Небыков А.

© Фонд развития социальных
инициатив

Содержание

ОБЕЩАНИЕ КАРАФУТО	6
Осколки забвения	6
Открытия Карафудо	7
Забойка	9
Тюлени ушли	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алексей Небыков
Неодолимая тишина света

Дальневосточные рассказы малой прозы

ОБЕЩАНИЕ КАРАФУТО

Осколки забвения

Люди привычно прощают себе любое дело. Только поступки наши не всегда пропадают бесследно.

Иори Огава беспокойно спешил к дому. Лодка его шла на пределе, покидая воды Японского моря, но движениями своими резкими, бесполезными, Иори будто стремился еще как-то помочь мотору – сильнее винтами разрубать воду, скорее прибить лодку к берегу. Казалось, он опасался прибрежной волны, крупного корабля или иной неодолимой опасности.

И вот показались впереди выстроенные вдоль берега рыбацкие дома селения Ине. В один из них и заплыла прямо под своды первого этажа лодка. Иори выскочил из нее и, не привязывая канатом, позабыв про снасти и лов, ринулся в жилые на втором этаже комнаты.

Седзи¹ в доме были прикрыты, и, несмотря на только собирающийся вечер, внутри уже было покойно и тускло. А посмотреть в жилище было на что. Рыбак, не отличавшийся теперь ничем от живущих рядом, таких же скромных, опрятных и непряхотливых поселян, в прежние дни был способным ученым. На стенах висели газетные статьи, фотокартины звериного и вегетативного мира, измерительные приборы разной величины, а на небольшом у зеркала столике разместился снимок далеких лет, где Иори стоял в обнимку с друзьями – студентами Токийского университета.

Непослушными руками Иори долго пытался вытянуть ящик стола, позабыв о том, что механизм изломался со временем и высвободить пространство на свет нужно, напротив, неспешно и сдержанно. А когда уже совсем разволновавшись, выудил его из затворов, вдруг послышались призывные, глубокие тюленьи выкрики и будто морской водой колыхнулась перед Иори зеркального отражения пелена.

Замотал головой рыбак, сморгнул видение. Оглянулся. Подбежал к седзи, долго что-то выглядывал в помрачневшей воде и, не найдя ничего непривычного, запалил в доме унылое освещение.

На столе перед Иори теперь лежал сверток. Он аккуратно, нерешительно стал отворачивать его лепестки. И вот на небольшом медвяном платке проявились осколки посуды. Рыбак бережно крутил, ворошил их, пока не сложилась перед ним из фрагментов тарелка – обычная белая глина, молочная глазурь, голубого оттенка рисунок.

Лишь с одной стороны тарелки скалилась дырка – не хватало куска, чтобы завершить искусный пейзаж. Робкими, тряскими руками Иори выудил что-то белое из-за пазухи и вложил в тарелку. В тот же миг снова зазвучали выкрики, зарябило зеркало, заскрежетали, соединяясь в единое, фрагменты тарелки. И открылся Иори идеально сложенный, давно позабытый рисунок

– в центре волны, вздымающиеся к небесам, а по краям скалы и ныряющие с камней морские котики, беззаботно кричащие о чем-то своем белым туманным облакам.

Пошатнулся Иори, дыханием замер и помутился в далекие воспоминания.

---

¹ Седзи в японской архитектуре представляет собой дверь, окно или перегородку в жилище.

Открытия Карафуто

Вот Иори в команде студентов-выпускников рано утром прибывает на остров Кайхио-то – небольшой лоскуток земли в ста восьмидесяти морских милях от ближайшего крупного поселения Карафуто². Здесь начнется их летней практики срок, пора изучений, исследований и открытий. Но случится это позже, а пока моряки рыбного комбината, как здесь называют службу, приветливо встречают друзей, задорят и поздравляют с приобщением к работе суровых, испытанных наемников моря. Ведут их на край острова к запустевшим поселениям первобытных племен. Рассказывают, как те скромно жили даяниями природы, но натуре извечно нет дела до планов людей, и все испепеляет она, предаёт забвению времени, а потому и людям должно думать строже, а мужчинам, как и прежде, вовлекаться в крепкий промысел.

Затем устраивается в честь прибывших нескромный стол: здесь рыба морская и щупальцелапые, соленые нори и сладкий батат, а еще водка рисовая в непривычном даже для студентов избытке.

После того их, пьяных от жизненной радости, умещают в вертлявую лодку и везут в море. Крепкие руки моряков воздевают студентов над водной пропастью и бросают в волны икающих, напуганных, протестующих. Таким на комбинате был посвящения день, и настоящей радостью были окрашены те приветные встречи.

Тогда же впервые Иори увидел директора Гоэмона. «Капитан-рокот», «Капитан-власть» – называли его моряки за крепкий авторитет и разумную обо всех заботу.

– Притопите этого хворого, парни! Не верит он, что пришел конец! – кричал, кивая в сторону Иори, Капитан. И полетел над морем громозвучный хохот Гоэмона, низкий, плотный, с наждачной хрипотой.

И лежали затем на камнях и гальке наглотавшиеся воды студенты, смеялись и грелись sake до самого утра.

Когда обнаружил далеко за полдень себя Иори в нестройном состоянии в жилых бараках, увидел, что и друзья его крепкие Окано и Кидо не могут на ногах стоять. Окано, природный воин, могучий в росте и неудержимый в силе, первый на курсе пловец, пытался на руках подняться, но только опадая обратно на простыни и мотал в разные стороны лохматой головой. Кидо, уступающий другу в тверди, но всегда превосходящий того в скорости, тоже не мог с собой совладать. Пытаясь встать на колени, он разрывал без усталости ногами футон³, мычал, надувая щеки, и выдыхал, не справляясь, недовольный воздух.

Лишь Акэти не было внутри. Но он всегда был самым бесстрастным среди друзей и даже излишествовал несмело, невыразительно, отсиживаясь в стороне, не участвуя в порывах жизни. Так случилось и в тот утренний час. Пока друзья пытались себя собрать, Акэти уже разведдал немало о комбинате, и он же первым сумел понять, что все творимое в его пределах – невозможное зло...

Весь день друзья пробуждались к привычной жизни. Избытками болела их голова, пока Акэти рассказывал, какие устроены на острове порядки.

Само построение домов комбината напоминало корабль: дозорные, бессонные пункты на «носу» у моря продувались ветрами, промывались прибрежной волной; тесные бараки-каюты убежали рядами прочь от воды; крепкие, широкие покои директора Гоэмона завершали расположение на небольшом отдалении от моря и, точно каюта капитана на корме, собирали ночами подручный совет, где разрешались планы и выдавались приговоры.

---

² Карафуто – японское название острова Сахалин.

³ Футон – традиционный японский матрас, предназначенный для сна прямо на полу или на специальном каркасе.

В самом центре комбината выстроен был «камбуз», где устроились и трапезная, и кухня. Рядом высоко выростала стальная «мачта», сообщавшая знаменами «команде корабля» и народную гордость, и погоды волнение.

Были на комбинате и подземельные устройства. Подкопы вели к самому морю, а у входа в тоннели располагались казематы-клетки, устроенные, как после узналось, не только для хранения снаряжения...

Забойка

Первый день забоя Иори запомнил навсегда. Поздней ночью, еще до солнца, в лунном бессветии, оживились окрестности торжеством события, сборами, стуками. Кричали: «Подъем! Забойка!». Студентов, взволнованных и со сна вмиг озябших, выстроили перед баракком, нарядили в хантэны⁴ на теплой подкладке и, снижая и суету шагов, и силу окриков, украдкой повели к неизвестному месту.

Друзья покинули «корабль» и обходным путем мимо влажных скал продвигались к морю. Через какое-то время проход вывел на дощатый настил, где устроилась широкая площадка, рабочее место человеческой нещадности и стяжательства.

Совсем скоро студенты узнали, что вовлекаться придется в истребление, а не в постижение, и что главным промыслом комбината был забой, а не лов жабернодышащих, как обещали агитационные буклеты, разносимые с улыбками по коридорам университета.

Волны отзывались где-то рядом и звучал в округе незнакомый галдеж. Вода такой плотной взвесью стояла в воздухе, что не только развидеть окружающий мир сквозь серую пелену, но и вдохнуть глубоко вату тумана, не задыхаясь, – никому не было под силу.

Сезон охоты на комбинате привычно длился не более месяца: распался в конце июня с выходом на берег котиков-холостяков, сохранивших и серебристый мех, и нежный подшерсток, и завершался к первому августа, когда самцы принимались линять. Затем команда конопатила «корабль», все щели и дыры затыкала пенькой и паклей и уходила до следующего года в более пригодные для промысла места, где ловила треску, селедку и прочие морские продукты...

– За дело, парни! Разомните руки! Да наполнится сковорода! – кричал восторгом первый помощник директора Гоэмона Стеклянка, которого прозвали так за любовь к дальнотзорным приборам. – Не суетись, новота, научу! Разбирай пока инструмент да гляди в стекляши, проникая в дела наши! – гоготал веселый моряк с обветренным лицом, вкладывая в руки студентов бинокли.

Он показывал рукой в непроницаемый туман и дребезжал сбитым из досок ящиком с длинными ножами, сообщая, что и они понадобятся друзьям совсем скоро. Затем он принес весы, леску, метры и другой для дела инструмент. И пока Стеклянка спорю, обычно все по местам раскладывал, туман прояснился, точно и сам участвовал в диком деле, что до поры скрывал.

Протирая от сырости линзы, друзья скоро развидели на берегу целое войско тюленей, подвижных, искрящихся, самоватых. Они гудели, игрались, сближались, порою срываясь в ссоры, и никак не думали того, что случилось с ними в тот самый миг.

Уже не первую ночь загонщики ожидали стаю. Готовили лежбище, разбирая отходы моря, в нужных местах для отлова создавали самый уютный простор, подновляли отгонный двор, чинили изломы ограды.

Теперь же загонщики, поднявшиеся еще ночью, видевшие выход на берег самцов, рядились в работное, немаркое, доставали-вытаскивали крепкие дубины и шли беззвучно в подземные тоннели, прорытые до моря, чтобы выстроиться вдоль воды и отсечь от бегства холостяков.

И вот загорелась карминная искра в руках директора Гоэмона, проявившегося вдруг в сумраке на высокой скале над людьми, над стаей, над несчастным миром. И заголосили загонщики по сигналу, задрезжали дубинами, ногами зашаркали, двинулись от моря к берегу, понуждая котиков стесняться в отгонный двор.

---

⁴ Хантэн – японская традиционная куртка свободного кроя, которая напоминает ватник.

Довольно скоро, в какие-то минуты, примерно четыре сотни голов, хрипя и сбивая дыхание, двигаясь прочь от опасности по устроенным деревянным настилам, заточили себя в ловушку. Окруженные крепким забором тюлени сбивались теперь в кучи, не имея возможности вернуться или толкаться дальше, крутили головами, опасливо озирались и недовольно фыркали. Более удачливым холостякам удавалось уйти, почувствовав скверное место, услышав опасные мысли, они растекались в стороны или пускались в море, минуя ловцов. Но и эти счастливые, в другие дни, снова приходили на берег, чтобы крепче испытывать сердца людей...

Но моряки, точно высеченные из камня, никогда не находили способности к состраданию, жалости. И теперь, возбужденные добычливым началом, прикрывали широкие створы в уже переполненный отгонный двор. А там узилище отворяли с другой стороны, и котики по узкому деревянному ходу шлепали лапами на «арену», где принимали последнего страха боль.

На лесах вдоль прохода их встречали ловцы. Шестами они выуживали из забойной реки секачей и самок, направляя в специальный на свободу лаз, – отпуская первых за недолжный вид шкуры, а вторых, дабы жизнь зарождала щенков.

«Арена» помещалась за скалами вдаль от моря и совсем близко подходила к месту, где теперь в поражении стояли студенты. На смертоносном плато точно воины крепились забойщики. Лица их были повязаны тряпками, торсы скрывали плотные каппоги⁵. Они крутили и размахивали перед собой крутоломными дубинами, а с первыми хлынувшими на арену холостяками над забойней заметался страх.

Первым выскочил из прохода самый юркий, игривый котик. Шкурка его в лунном свечении серебром играла, теплой радостью струилось дыхание. Он сразу получил дубиной лютый по носу удар, и яблоки его глазные выскочили от сотрясения на дощатый пол, покатались остывающей жизнью, хрустнув бледно-розовым соком под ногами забойщика. Следом удар и еще удар. Двенадцать нечеловеческих рук взмывало неумолимо в воздух, и дюжина тел тут же опала на деревянные настилы. За забойщиками хоронились ловцы. Ловкими, спорными рывками они оттащивали агонизирующих, еще живых котиков и умещали грудями на рикши. А там, точно погребальные драккары, тянули поживу в разделочную к студентам.

В те дни промысловый забой претворялся с той же жестокостью, что и сотни лет назад, хотя были уже и электроток, и мелкий калибр. Но опытные моряки, пробывшие на острове не менее трех-четырёх лет, затвердев и духом, и памятью, выбирали прежних лет порядки и приучали и новых охотников скоро, без затрат и порчи, выдавать должную комбинату норму.

На разделочной площадке, «сковороде», уже во всю орудовал Стеклянка. Для совершенного истечения жизни, отъятия дыхания, – он бил очумевших от боли холостяков ножом в сердечники. Вскоре к нему присоединились и другие моряки, а ловцы все тянули и тянули побуревшие рикши.

– Давай парни, – зазывал Стеклянка студентов, – бей! Вынимай жизнь!.. А то проспится благо морское и будешь за ним бегать! Иори, смотри, видишь метку? – И он помахал передним ластом неживого уже котика, на котором болтался металлический знак. – Снимаешь номер и серию. Так узнаем и землю рождения, и жизни срок. Затем на весы. Метром промеры. И все в ваш Тодай⁶. А они нам за то – молодую силу!

Как затем сообщили друзьям, для успешной зачетной практики во время забоя для науки надлежало метрические показатели собирать, а для отличной отметки – должно было включаться и в умерщвление на вольных, непринудительных началах.

Друзья не думали, что вот так, вдруг, с убиением придется соприкасаться. Да, они подозревали, что на острове будут промышлять, но не предполагали, что проводится это с шуткой и наслаждением.

---

⁵ Каппоги – японская рабочая одежда, похожая на фартук.

⁶ Тодай – сокращённое название Токийского университета.

Первым не выдержал Акэти. Его мутило и трясло. Он было бросился с боем на Стеклянку, но моряк просто вильнул вбок и, больно стукнув студента подножкой, уронил Акэти в грязь и в истечения холостяков. Окано и Кидо оттащили друга в сторону. Стеклянка понимающий руками развел жест и подмигнул студентам, указывая кивком головы на ящик с ножами.

В этот момент уже не справился Иори. С началом боя холостяков он все топтался на месте, не веруя, не принимая, смущал глаза, пытаясь развидеть взмахи, а теперь сотрясался в единой дрожи в невозможной мути отступающей ночи. И желудок его не сдержался, выпростал всю мерзость, что закипала у него внутри.

Распалась лето тридцать девятого, и ужасные вещи творили люди по всей земле... Но не каждому было назначено вовлекаться в события.

Кто-то принимал вызовы и шел по пути обстоятельств стечения. Так, Окано и Кидо, потеряв сперва немало минут, уже сжимали ножи в ладонях, виновато поднимали плечи, смотрели украдкой на ошалевших друзей.

Кто-то, напротив, выходил из обстоятельств, ломался, буйствовал. Таким был Акэти, сумевший сперва взглядом своим запрещающим убедить друзей бросить ножи, затем в какой-то недолгий миг взлетевший на скалу к Капитану, чтобы кричать и махать руками, пугать угрозами дюжего Гоэмона, гранитного, лишь недобро ухмыляющегося в ответ моряка.

Были и такие, как Иори Огава, стоявшие тихо до поры в своей стороне...

Но дело не отвлекали ни застывшие, ни противники. И с рассветом на «сковороде» рядились сотни погибающих холостяков. На туши их неостывшие с камней, заград и построек слетали кайры. Они бегали по недвижимым, призывая вернуться к жизни, недовольно клевали их, метелили крыльями и разбегались прочь от старательных моряков.

А забойщики не отвлекались, мокли рубахами и, точно по вековой земле вдоль свежих насыпей, размеренно переходили от одной туши к другой. Рывок острого ножа – и отсекалась жизнь. Широкий взмах – и являлась от брюха до горла линия смерти. Еще и еще один – и распускался плоти бутон вокруг головы и по линии ласт. Следом рычать принимались лебедки и шкуры враз облетали тела, умещались в чаны с морской водой для выставления и чистки, чтобы после на станках для мездрения принять достойный предфабричный вид. Салом, мясом и печенью наполнялись бочки, внутренности и прочий отход грузились на баркас для высеивания в море уже ждущим касаткам в дармовое кормление.

Друзей-студентов, неспособных вовлечься в работы, касаться ни живых, ни мертвых особей, в тот день избавили от дела, отправив в подавленном нахождении нести на хворых постельных койках досуг до славной в день начала забоя вечерней трапезы.

Ужин закатный был неторопливым и тихим, а когда студенты пришли на «камбуз», нечестные шутки и смех совсем утихли. Суровые и безжалостные в деле моряки, напоившие руки свои и глаза смертью, здесь за столами, вокруг пищи, на виду у жизни, становились нечаянно кроткими и понимающими, чувствуя пульс вины и поминая собственный первый день...

К друзьям подошел Стеклянка. В руках его были глубокие чаши, донбури, а в них запеченный с травами батат и темное вареное мясо.

– Ну вы как, новота?.. Держись! Прокипит, выстоится. – А, увидев, что студенты с отвращением смотрят на угощение, добавил: — У нас в дни забоя запрет на прием... Но Капитан-власть разрешил немного забыться. – И Стеклянка выудил из-за пазухи с теплой рисовой водкой кувшин с дребезжащими наперстками-стопками на навершии.

Акэти не выдержал, сбежал. Тогда Стеклянка не без удовольствия занял его место. Вскоре кувшин опустел, моряки разбрелись по койкам, а Окано и Кидо прикончили по две порции в этот ужин – Иори так и не нашел сил притронуться к еде.

Тюлени ушли

Утренний подъем случился у студентов крайне поздно. Друзья разводили руками, сообщая друг другу, что не слышали никакого побудного шума и проспали восход. Не возвращался в эту ночь в барак и Акэти.

Освежив лица, одевшись, друзья вышли на свет и отправились в сторону забойки. На «сковороде» было пусто, хотя вчера весь вечер моряки обсуждали новый лов. У входа в подземье в клетке с инвентарем лежал укрытый

штормовой курткой Стеклянка. Друзья бросились к нему, но на петлях висел замок, и Окано уже задумал сбивать его камнем, когда Стеклянка предупредил:

– По праву все, новота. Не тронь. А то крепче достанет Капитан-рокот. – И он привстал, скинув капюшон, обнажив опухшее боем лицо, глубоко треснувшую нижнюю губу, ссадины и кровоподтеки. – Пересидел с вами и проспал дозор. А что-то ночью случилось. Котик ушел. Обычно виною дождь. Мелкий, когда сыпет, тварь уходит в море. Вот только сухо кругом, а что на деле было, – не видел. А Гоэмон – скор, гранитен. Но не в обиде я. Рядовые дела. Посижу до нового солнца и в обрат с вами. Главное, чтобы не ушла стая на иной берег, иначе вся смена до дна...

Друзья поняли, закивали, достали Стеклянке воды и отправились на «камбуз» обсуждать-додумывать. По пути их нагнал Акэти. Таинственно ярился его дух. Акэти все обещал рассказать про свою несонницу, но не теперь на «корабле», не здесь, а после... Так и дошли до обеденной, где у самого входа распоряжался по лагерю Гоэмон. Завидев студентов, он негромко буркнул:

Не работаешь – не ешь. Островной закон... Помогите парням с моллюском у берега, а там приходите. В подкрепление за камбузом висит перекус. Захватите по ленте. Так и проморгается несчастный день. – И он прогнал студентов в противную от забойки сторону, где команда привычно выходила в свободные дни в море вытягивать с неглубокого у берега дна ракушки.

Неожиданно, без спора, первым на все согласился Акэти. Он увлек друзей за собой мимо обещанного Капитаном припаса – сушившихся на поперечинах шматков мяса холостяков. Свежие отрезки их выглядели отвратительно: некоторые скалились розовым, походили на петли кишки, другие, посеревшие, с кожей и лапами, точно руки людей, жутко махали студентам на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.